

Изучая методологию археологов сталинской эпохи

Свешникова О. С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск: Наука, 2009. 204 с.

Небольшим тиражом и под длинным неудобным названием вышла в Омске книжка (Свешникова 2009) об археологической методологии сталинской эпохи (конца 1920-х — начала 50-х гг.). Книжка эта, написанная сравнительно молодой женщиной — очень толковая, дельная, описывает археологию этого времени не панегирически и не сугубо ругательно, а с желанием разобраться, понять суть и механизм науки этого времени. В основном это автору удалось. По этой книге читатель может составить себе наиболее полное и адекватное представление о теоретическом облике советской археологии сталинского времени. В книге нет описания гнета и репрессий, их надо искать в других книгах (например, у Формозова), но организация науки и ее содержание, ее теории и методы представлены в полном объеме.

Книга начинается обширным введением, в котором изложен подход исследовательницы к теме, ее общие взгляды на археологию и историю советской археологии, характеристика ее источников и проработанной историографии. Мимоходом скажу, что если уж говорить обо мне, то я вряд ли выступал «с неопозитивистских, по существу, теоретических позиций» (с. 20) — скорее уж просто позитивистских с учетом постпозитивистских и неокантианских вкладов.

В книге четыре главы. В первой, озаглавленной «Контекст», указаны основные тенденции развития отечественной археологии в описанный период. Здесь ничего нового по сравнению с имеющимися очерками по истории советской археологической науки нет, но, вероятно, этот фон необходим.

Во второй главе, «Теория», представлены теоретические основания и методы исторической реконструкции у археологов раннесоветского времени. Это, пожалуй, наиболее интересная глава в книге. Под названием «теоретические основания реконструкции» автор выделяет те принципы исследований, те методы и теории, которые считались вытекающими из марксизма и были отличительными методическими комплексами советской археологии, ее, так сказать, специфическими алгоритмами исследований или исследовательскими программами. Сюда исследовательница относит марксизм (как исходную методологическую базу), а также теорию стадильности и автохтонизм. Далее она включает сюда ряд «методов»: 1) метод восхождения, 2) комплексный метод, 3) ретроспективный метод, 4) метод этнографических параллелей, 5) метод трудовых затрат. Это деление на теории и методы несколько искусственно.

Не стоит так буквально следовать их традиционным названиям. «Теорию стадиальности» можно назвать и методом (расположения явлений по стадиям, выявления синстадиальности и т. п.), а «метод трудовых затрат» можно представить как теорию сравнения значимости явлений по количеству затраченного труда. Комплексный метод вообще был не очень ясен самим его adeptам и сводился скорее к нескольким принципам рассмотрения явлений — от требования видеть вещи в комплексе, в контексте до проведения комплексных (т. е. междисциплинарных) экспедиций. Всё это — просто исследовательские программы.

Из них часть (не говоря уж о марксизме, которому как раз уделено по содержанию мало внимания, больше говорится о способах его внедрения в археологию) была рассмотрена в предшествующих работах других авторов, в частности, в моем «Феномене советской археологии» (Клейн 1993). Таковы теория стадиальности, автохтонизм, метод восхождения и комплексный метод. Другие автор внесла от себя. Это ретроспективный метод, метод этнографических параллелей и метод трудовых затрат. Они действительно применялись в советской археологии, но как раз не очень специфичны для нее, во всяком случае не исключительны: ретроспективный метод пропагандировался Косинной, метод этнографических параллелей — дитя эволюционизма, а метод трудовых затрат отражает, конечно, интерес марксистов к экономике. Но ею интересовались не только марксисты, но и, скажем, археологи британской географической школы (как Грэйем Кларк с его «Экономическим базисом»), а позже часто пользовался Колин Ренфрю.

В той же главе рассматриваются методологические проблемы разработки отдельных групп источников — поселения, погребения, вещей. В тех условиях, которые господствовали тогда, это была не классификация или критика источников, а сразу же социологическое их истолкование — непосредственно смысл истории.

Глава третья, «Практика», посвящена реконструкции основных видов хозяйственной деятельности в работах советских археологов, особенно скотоводства и земледелия. Эти работы более-менее освещены в историографии, но Свешникова придала своему разбору четкий методологический уклон, по каждой проблеме разбирая археологические признаки, по которым советские археологи того времени устанавливали то или иное явление: наличие домашних или диких животных, вид скотоводства или земледелия и т. п. Это делает ее выводы пригодными не только для характеристики последовательности проникновения отечественных археологов в экономику первобытного общества, но и для изучения методики социоисторической интерпретации археологических явлений, в функциях методического пособия. Правда, для этих целей программа несколько узковата.

Четвертая глава, озаглавленная «Казусы», содержит анализ исследовательской деятельности четырех археологов-сибиреведов: С. В. Киселева, М. П. Грязнова, С. И. Руденко и В. Н. Чернецова. Лучше бы назвать эту главу «Личности». Несколько непонятно, по какой логике иллюстрация персоналиями подобрана сугубо сибиреведческая, тогда как вся книга не ориентирована только на Сибирь. Да и Сибирь представлена очень уж выборочно. А. П. Окладников отвергнут по причине «одиозности» и противоречивости фигуры,

хотя именно спорность могла как раз бы привлечь к его анализу: ведь задача представить идеальные фигуры вроде бы не ставилась. Не вошли в список также Б. Э. Петри, С. А. Теплоухов и М. М. Герасимов. Можно было бы включить и Мерхарта — картина лидеров сибирской археологии была бы полнее. Затронутые же обзором фигуры имеют мало общего между собой и не иллюстрируют положения теоретической части книги.

В этом плане книга как бы составлена из двух книг, имеющих мало связи между собой.

Во введении сказано, что в исследовании использованы идеи французского социолога П. Бурдьё о науке, его учение о символическом капитале (признании коллег), институциональном капитале (захвате руководящих позиций) и чистом капитале (реальном вкладе в науку). Эта французская теоретическая основа реализована лишь в заключении на одной странице (136), где захват доминирующих позиций засланными в археологию марксистскими функционерами охарактеризован как овладение институциональным капиталом. Я не вижу, чем это обогащает понимание описываемых событий. Просто они названы другими словами.

Литература и архивные материалы использованы весьма полно. Из пропусков отмечу лишь мою работу «Предмет археологии» 1977 г. (в дискуссии о предмете археологии перечислены другие мои работы, а этой нет) и работу В. И. Равдоникаса 1929 г. о совместных погребениях — в дискуссии о значении совместных погребений она была первой, с нее дискуссия началась.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга читается с интересом и пользой.